

Глава 1

Двое в ночи

Я бы на вашем месте хоть раз
в театр ходил.

*М. Булгаков,
«Собачье сердце»*

Сумерки плывут над Москвой. Вдоль улиц протянулись цепи желтых огней, в черном небе холодная пятнистая луна то спрячется за облако, то выглянет из него. Громада ЦУМа — бывшего «Мюр и Мерилиз» — топорщится во тьме как готический замок, каким-то чудом перенесенный в центр советской столицы. На улице Горького, бывшей Тверской, уже начинают закрываться шумные рестораны, иссякают льющиеся из дверей волны джаза. Изредка проносятся машины, прорезая ночь светом фар. Сквер напротив Большого театра тих и темен, и молчит выключенный в эту пору года фонтан. Зеленую квадригу в вышине уже не видно. Тает в сумерках Аполлон, и полощется над ним на ветру красный флаг.

Припозднившиеся прохожие зябко поднимают воротники и ускоряют шаг. Впрочем, есть и такие граждане, которым ночь нипочем. К ним, очевидно, принадлежал молодой человек, который неспешно шел по Пе-

тровке в сопровождении барышни. Она висла у него на рукаве, блестела глазами и трещала, не закрывая рта. Из-под синего беретика выбивались лихие рыжеватые кудряшки, миловидное личико светилось оживлением, а на ногах, несмотря на осеннее время, красовались туфли на небольшом каблучке. Свободной рукой барышня прижимала к себе маленькую сумочку. Окажись поблизости недоброжелательный наблюдатель, он бы не преминул заметить, что и сумочка, и темное пальтишко барышни не отличаются красотой и вообще бросают вызов моде. Впрочем, наблюдатель менее придирчивый удовольствовался бы соображением, что незнакомка просто очаровательна, а что касается ее вещей, то они все равно не могут испортить общего впечатления. В конце концов, в 1936 году мало кто мог позволить себе шиковать и одеваться согласно последним предписаниям зарубежных журналов.

— Ой, Ваня, как же хорошо посидели-то! — говорила барышня, зачарованно глядя на своего высокого темноволосого спутника. — И люди культурные, и обслуживание приличное. Знатная ресторация! А ты много получаешь? Ты не подумай, — поспешно спохватилась она, — я просто так спрашиваю. Мне любопытно. Вот у Катьки муж — пожарный, но у него работа опасная... Ой, Ваня! — Барышня хихикнула и крепче прижалась к своему спутнику. — Я и забыла, что у тебя тоже работа не сахар. Ты вообще не похож... Я хочу сказать, ты такой серьезный! Как профессор!

Серьезный Ваня ограничился тем, что только улыбнулся. Улыбка у него была замечательная, открытая, что называется, от всей души — и заставляла забыть о страшном шраме, который шел наискось рядом

с правым виском и был отчетливо виден даже сейчас, в октябрьских сумерках, разбавленных светом редких фонарей.

— Нет, ты лучше, — увлеченно продолжала барышня, — в самом деле! Профессора все старые. Правда, получают ужас как много! Я однажды видела профессора, так у него даже своя машина была.

— Люся... — смущенно начал ее спутник.

— Ну что Люся? Я же сказала: ты лучше! Не машина же главное, в конце концов...

Уловив какой-то посторонний шум, Ваня машинально повернул голову. Навстречу им по тротуару от Большого театра шла женщина. Она двигалась очень быстро, стуча каблучками, и в ночи ее шаги казались особенно громкими. По Петровке проехал грузовик, и на несколько секунд его фары осветили незнакомку целиком. Она пробежала мимо Вани, бросив на него один-единственный взгляд, а через несколько минут свернула в какой-то переулок и скрылась из глаз. Ночь съела ее без остатка и поглотила ее шаги.

— Ишь ты! — фыркнула Люся.

Ей инстинктивно не понравилась незнакомка, точнее, не понравилось, как Ваня на нее посмотрел. Люся уже считала его чем-то вроде своей собственности, и ее невольно кольнула ревность.

— Знакомая, что ли? — спросила она, стараясь говорить как можно более небрежно.

— Нет, — просто ответил ее спутник.

— Духами брызгается, — пробормотала Люся, втянув носом воздух. — Фу-ты ну-ты! — Ее осенила неожиданная догадка: — А может, она из театра?

Ваня только плечами пожал, всем своим видом показывая, что его это совершенно не касается.

— Я в театры не хожу, — продолжала Люся, совершенно успокоившись. — Ну как не хожу? Была один раз, не понравилось мне. Место далеко, неудобно, видно плохо, а на сцене кривляются чего-то. Хорошо еще, что билет был даровой, от нашей комсомольской ячейки... Вань, скажи, а ты бы мог перейти на другую работу?

— Зачем? — уже недовольно спросил ее спутник.

— Ну как зачем? Мне же страшно. Бандиты всякие, уголовники, а ты их ловишь. А если с тобой случится что?

— Кто-то должен и бандитов ловить, — буркнул Ваня, и по его мгновенно замкнувшемуся виду Люся поняла, что зря затронула эту тему.

— Ваня, ну разве я против говорю? Я же пошутила! — Совершив этот типично женский маневр, Люся решила, что одних слов недостаточно. — Ты не сердись? Нет? Точно нет? Тогда целуй меня. Целуй, а то не поверю!

Ваня наклонился к Люсе, но тут послышался шум машины, которая мчалась, разрезая ночь светом фар, и молодой человек увлек свою спутницу в темный переулок за театром, где можно было без помех целоваться сколько угодно.

— Ой, Ваня! — хихикнула девушка после того, как ее поцеловали не то в пятый, не то в шестой раз. — погоди... дай дух перевести... — Она оторвалась от своего спутника, сделала шаг назад, покачнулась и ойкнула. — Ваня!

— Ну что? — спросил молодой человек, улыбаясь во весь рот.

— Ваня, я на что-то наступила, — обиженно сказала Люся, хлопая ресницами. — Я сейчас чуть не упала!

Ее спутник наклонился, рассматривая то, на что она наступила, потом внезапно посерьезнел и стал хлопать себя по карманам, вполголоса бормоча ругательства.

— Вань, ты чего? — пролепетала девушка, струхнув. Она ничего не понимала.

Достав коробок спичек, Ваня зажег одну из них и осветил то, что бесформенной грудой лежало у стены. При ближайшем рассмотрении груды оказалась телом, и было не похоже на то, что оно принадлежит живому человеку.

— Ваня! — завизжала Люся, хватая спутника за локоть.

— А, ч-черт...

Спичка упала на асфальт и погасла. Дернув рукой, Иван стряхнул пальцы девушки и зажег следующую спичку.

— Ваня... — заныла Люся. — Ванечка!

Она сделала попытку снова вцепиться в него, но на сей раз Иван отвел ее руку.

— Ты можешь подержать коробок? — спросил он.

— Зачем? — в ужасе пролепетала девушка.

— У меня только две руки. Я хочу его осмотреть.

— Я... я...

Не слушая Люсю, Иван вручил ей коробок спичек, а сам наклонился над телом, осветив его спичкой. Свободной рукой потрогал пульс, нахмурился, зачем-то осмотрел шею лежащего, а затем и голову. Спичка догорала, и Иван задул ее уже тогда, когда пламя стало обжигать ему пальцы.

— Дай сюда коробок...

Он зажег новую спичку. Выражения его лица Люся не понимала и не хотела признаться себе в том, что он ее пугает.

— Какая-то странная у него одежда, — пробормотала она, дрожа всем телом.

На лежащем было белое обтягивающее трико и нечто вроде пестрого короткого камзола, богато украшенного вышивкой и позументом. Глаза мужчины были открыты и смотрели мимо молодых людей в никуда. Закончив осмотр, Иван осветил спичкой циферблат часов на своем запястье.

— Семнадцать минут первого... Хотя что это дает? Ничего не дает...

— Ваня, — пробормотала Люся, совершенно растерявшись, — он что, умер?

— Да не умер, а убит, — буркнул Иван, распрямляясь. Он задул спичку, бросил ее и спрятал коробок в карман.

— Ваня, я боюсь. Ваня...

— Не надо бояться, он тебе ничего не сделает. Вот что, я иду к метро, там на посту стоит милиционер. Я приведу его сюда. А ты...

— Ваня, я тут не останусь! — отчаянно вскрикнула Люся и зарыдала. — Ваня, не бросай меня...

— Люся, перестань... Люся!

— Почему мы вообще должны им заниматься? Пусть кто-нибудь другой его найдет! Такой хороший вечер был... ресторан... так славно посидели... Зачем все портить?

— Люся, ты в своем уме?! — рассердился Иван. — Я муровец, между прочим... Я не могу его бросить и сделать вид, что ничего не было!

— Я тут не останусь!

— Люся, послушай...

— Нет, нет, я пойду с тобой! Если его убили... Вдруг тот, кто убил, все еще здесь? Нет, Ваня, я не хочу оставаться одна!

Признав, что в ее словах есть резон, Иван смирился.

— Хорошо, идем со мной... Я расскажу милиционеру, что случилось. Еще опербригаду с Петровки вызывать придется... Пошли! Чем быстрее мы со всем этим разберемся, тем лучше...

Однако когда через несколько минут Иван в сопровождении милиционера и спотыкающейся от ужаса Люси вернулся в переулок за Большим театром, труп исчез. И более того — ничто, ни одна деталь не указывала на то, что тут недавно произошло преступление

Глава 2

Военный совет

Не в балете ли весь человек?

Н. Некрасов

— Вот прям так взял и исчез? — недоверчиво спросил Петрович.

В кабинете было накурено. Дымили все — и уже знакомый нам Иван Опалин, и старый опытный опер Карп Петрович Логинов, которого коллеги называли просто по отчеству, потому что он не жаловал свое имя и периодически грозился его сменить, но за истекшие годы так и не решился. Попыхивал папироской молодой курносый Антон Завалинка, который начал работать в угрозыске совсем недавно, дымил душистой сигаретой высокий атлетичный красавец Юра Казачинский, сменивший на своем веку множество профессий и в конце концов приставший к опербригаде Опалина. Все они собрались, чтобы обсудить странное вчераш-

нее происшествие, в которое оказался замешанным их непосредственный начальник.

— Представь себе, исчез, — сказал Иван в ответ на слова Петровича. — Как сквозь землю провалился. Тот милиционер, Галактионов, здорово разозлился, что я его сдернул с поста. Я ему стал доказывать, что труп был и что не я один его видел. Он к Люсе, Люся от ужаса ревет, мы стучать в театр, но все двери закрыты. Наконец отворили нам одну дверь — старый хрыч какой-то, сторож ночной. Как вы смеете безобразничать, говорит, это театр, говорит, академический! Я ему — академический не академический, а тут у вас возле стены труп лежал, где он? Старик вытаращился на меня и чуть не перекрестился, но одумался. Короче, ни о каком трупе он не знает и ничего подозрительного не видел. Представление давно закончилось, все разошлись, в театре никого. А я, как назло, после ресторации с Люсей, и вином от меня пахнет... В общем, тот милиционер, Галактионов, решил, что я с пьяных глаз напридумывал чего-то. И еще сказал, что придется ему бумагу моему начальству составлять — кто да почему его ночью с поста сдернул. Я сказал — да, конечно, составляй, только труп тут точно был, а вот куда он делся, пока мы с Люсей ходили за милицией, это вопрос.

Слушая Опалина, Петрович шевелил своими мохнатыми бровями, что-то обдумывая. Казачинский докурил сигарету и смял ее в пепельнице.

— За театром там что, служебный вход? — спросил он.

— Да у них везде входы! — ответил Опалин с досадой. — Понимаешь, там переулочек, почти не освещенный, где с двух шагов не видно ни черта. Дверь не заме-

тишь, пока в нее не уткнешься. А он лежал у стены. Про костюм его я говорил?

Казачинский кивнул.

— Костюм, судя по твоему описанию, балетный, — пояснил Юра. — Сколько ему лет было? Не костюму, а тому, кого ты нашел?

— Я бы сказал — чуть старше двадцати, — без колебаний ответил Опалин.

— А следов крови на земле не было? — подал голос Антон.

— Откуда? Их и не должно было быть. Его оглушили ударом по голове, а затем удавили. И еще... — Опалин нахмурился. — Я, конечно, не доктор, но точно знаю: его убили задолго до того, как я его нашел. Как минимум за несколько часов.

Петрович вздохнул, полез в свой стол, достал оттуда смятую вчерашнюю газету и просмотрел последнюю страницу, на которой обычно печатались программы театров.

— Не мог он несколько часов незамеченным лежать, — решительно возразил Петрович, убрав газету и вытащив изо рта папиросу. — Юра прав: в переулке служебный вход для артистов. Вчера Лемешев выступал, знаешь, какая толпа его после представления поджидает? Труп бы сразу заметили. Нет, тут что-то не то...

— А жилые дома поблизости есть? — спросил Антон. Он горел желанием помочь Опалину, но пока не знал как.

— Есть, конечно. Прямо за театром — трехэтажный дом с колоннами, очень старый.

— Внутри коммунальные квартиры, — уточнил Казачинский. — И большинство жильцов — работники театра.

— А, значит, ты бывал в этом доме? — заинтересовался Антон.

— Приходилось, — ответил Юра уклончиво; но так как в МУРе было отлично известно, что женщины не дают Казачинскому прохода, все и без объяснений поняли, откуда он знает такие подробности. — Там музыканты живут, хористы, балетные тоже.

— Может, расспросить их? — предложил Антон.

— О чем? Надо хотя бы знать, кого мы ищем.

— Парень чуть старше двадцати, из балета, вероятно, работал в Большом театре, — перечислил Опалин. — По-твоему, этого мало?

— Чуть старше двадцати — это, скорее всего, кордебалет, а их в Большом человек сто, если не больше, — заметил Казачинский.

— А кордебалет — это что? — с любопытством спросил Антон.

— Ну смотри: есть балерины и премьеры, эти главные партии танцуют. Потом какие-то промежуточные ступени... Солисты, что ли. У этих в спектакле отдельные номера. А кордебалет — они так, толпу изображают.

— Да? — прореагировал Антон. — Вроде как рядовые, значит. Обидно, наверное, все время толпой ходить...

— Они не ходят, они танцуют, — вмешался Петрович. — Ты что, никогда не был в балете?

Антон покраснел и ничего не ответил. Жизнь его до сих пор складывалась так, что почти все связанное с искусством было от него бесконечно далеко. Опалин нахмурился и послал Петровичу предостерегающий взгляд.

— Да, кстати, — тотчас же перестроился Логинов, оборачиваясь к Ивану, — труп ведь не только ты видел, но и девушка. Она же может подтвердить, что он действительно был...

На лицо Опалина набежало облачко.

— Ты хочешь, чтобы я ее вытащил на допрос? Мы с ней и так уже вчера поссорились из-за этого...

— Допрос не допрос, — напирал Петрович, — но когда придет бумага, что ты зря побеспокоил постового милиционера, тебе надо будет объясниться. Конечно, Николай Леонтьевич скорее поверит тебе, чем им, но...

На столе Опалина хрипло затрещал телефон. Дернув щекой, Иван снял трубку.

— Оперуполномоченный Опалин слушает... Да... Уже иду, Николай Леонтьевич.

Он повесил трубку, затушил в пепельнице папиросу и скрылся за дверью.

— Как бы у него неприятностей не было из-за этой истории, — неожиданно сказал Казачинский.

— Да ладно! Леонтьич его отобьет... — Петрович бросил быстрый взгляд на Юру и решил: — Слушай, а ты сам-то что думаешь? Раз имеешь представление о балетных и даже в их дом хаживал...

— Да какое там представление — так, слышал что-то краем уха, — пожал плечами Казачинский. — Девушка у меня была из хора, а они в опере поют... Встречались, то-се, но не заладилось. Соседка ее из балета забегала иногда в комнату, сплетнями делилась. Ты об Ирине Седовой слышал?

— О ней даже я слышал, — встрял Антон.

— Ну вот, она несколько месяцев назад ногу подвернула. Все надеялись, что теперь-то она танцевать не

сможет, как прежде, и ее кто-то заменит. Только она вылезлась и танцует, как прежде. — Казачинский поморщился. — Знаешь, у них очень странный мир. Если кто-то травму получает, другие прежде всего думают, а не поможет ли это лично им продвинуться. Но вот то, что Ваня рассказал...

— Да? — насторожился Петрович.

— Оглушили и задушили — это же чистая уголовщина, вот я о чем. Там не так счеты сводят. Совсем не так.

— А как? — спросил Антон.

— Как? Ну... Кучкуются, чтобы выжить неудобного. Не пускают танцевать ведущие партии. У них же век короткий — если ты до тридцати не вышел на главные роли, то ничего уже не добьешься. Там вообще много всего, — добавил Казачинский. — Соседка Милы такое рассказывала...

— А, значит, твою девушку Милой зовут?

— Мы расстались, я же говорил. Да какая разница...

Пока опера обсуждали в кабинете Опалина лопушки балетного мира, сам Иван Опалин поднялся на верхний этаж знаменитого здания на Петровке и был принят начальником, Николаем Леонтьевичем Твердовским.

— Что это за история с трупом у Большого? — спросил тот без всяких околичностей.

Он сидел за столом, сцепив пальцы, и своей грузноватой широкоплечей фигурой заполнял все кресло. На стене над его головой висел портрет Сталина.

Иван в очередной раз рассказал, как все было, опустив только некоторые несущественные, по его мнению, детали — вроде бурной ссоры с Люсей по дороге домой. Его превращение из галантного поклонника в жестко-

го несговорчивого сыщика испугало девушку, и она без обиняков дала ему понять, что им лучше больше не встречаться.

— Мне тут цыдульку прислали, — брезгливо промолвил Николай Леонтьевич и двумя пальцами поднял со стола какую-то бумагу, отпечатанную на машинке и снабженную несколькими размашистыми подписями. — Тут все подано так, что ты, Ваня, был в стельку пьян и зря потревожил милиционера. И вообще так колотил кулаком в дверь театра, что милиционер этот заподозрил в тебе нездоровую склонность к дебоширству...

— Если труп в театральном костюме лежит возле театра, что я должен был подумать?! — не удержавшись, выпалил Иван.

— А труп ли? — прищурился Твердовский. — Ты же, Ваня, знаешь, артисты — тот еще народец... Непростой, словом, народ. Скажи мне, только честно: тебя не могли попросту разыграть?

— И странгуляционные борозды на шее подделали? — вопросом на вопрос сердито ответил Опалин. — Слушайте, он не дышал и уже окоченел! Я вам точно говорю: там был труп... И тот, кто убил его, вовсе не дурак.

— С чего это ты взял?

— Когда я вернулся, исчезло не только тело. Помните, я говорил вам, что зажигал спички, чтобы его разглядеть? Так вот, догоревшие спички, которые я бросал на землю, тоже пропали. Кто-то очень заботится о том, чтобы не оставить следов...

Николай Леонтьевич поскреб подбородок и тяжело задумался. Сталин со стены смотрел на молодого оперуполномоченного взглядом, лишенным всякой симпа-

тии, словно желал сказать: «Ну и влипли же вы, товарищ Опалин...»

— На бумажку эту мы должны дать ответ, — негромко проговорил наконец Твердовский, буравя Ивана взглядом. — Но ты же знаешь, какая у нас волокита... Неделю, я думаю, займет. А может, даже больше...

— Да, Николай Леонтьевич, — пробормотал Опалин, чтобы хоть что-то сказать.

— Если все обстоит именно так, как ты говоришь, речь идет об убийстве. Но мало убить кого-то и спрятать труп, потому что всегда есть родственники, коллеги, близкие люди. Кто-то из них обязательно обратится в милицию. Я распоряжусь, чтобы тебе давали знать обо всех пропавших, которые связаны с Большим театром.

— А может быть...

Опалин хотел предложить сразу же начать поиски в театре, руководствуясь соображениями, которые высказал Казачинский. Но Николай Леонтьевич, должно быть, умел предвосхищать мысли своих подчиненных, потому что сразу же категорично ответил: «Нет».

— Не подходи к театру, пока мы не будем стоять на более-менее твердой почве. Это же Большой, — многозначительно промолвил Твердовский, подняв указательный палец. — Ты знаешь, какие люди там бывают? Туда правительство на спектакли ходит. И маршал Калининский, и сам товарищ Сталин, и... словом, много кто. Нельзя, понимаешь, просто так вломиться в театр и начать всех допрашивать. Основания нужны. Веские...

Опалин много чего мог сказать — например, что закон для всех един и что совершенно непонятно, почему можно, используя словечко начальника, вломиться на завод, когда ведешь расследование убийства рабочего,

и нельзя трогать Большой театр. Но все глубокомысленные, остроумные и даже едкие реплики Ивана были бы в данном случае пустым сотрясением воздуха, потому что решительно ни к чему бы не привели.

— Как скажете, Николай Леонтьевич, — проговорил Иван после паузы, но все же не удержался. — В самом деле, к чему спешить...

Твердовский нахмурился.

— Я ведь могу и другому поручить это дело, — напомнил он.

— Не стоит. Я справлюсь.

В кабинете повисло молчание.

— Ваня, — неожиданно произнес Николай Леонтьевич, и впервые за все время разговора в его голосе прорезались чуть ли не просительные нотки, — не наломай дров. У нас теперь новый нарком, и... словом, не надо нам лишних сложностей. — Он имел в виду Ежова, который в прошлом месяце стал народным комиссаром внутренних дел. — Обстановка непростая, и вообще...

Опалин пообещал, что будет действовать с максимальной осторожностью. Твердовский поглядел в его упрямое открытое лицо, хотел было заметить, что Иван и осторожность — две вещи несовместные, но в последний момент передумал, решив, что это лишнее. Николай Леонтьевич знал, что его подчиненный остро реагирует на некоторые моменты, связанные с работой, хотя во всем остальном не проявляет даже намека на самолюбие.

— Ты бы, Ваня, поискал среди знакомых какого-нибудь осведомленного человечка, — посоветовал Твердовский. — Кто тебе расскажет о Большом, так сказать, изнутри. Тебе же легче будет, когда поймешь, с кем там можно иметь дело, а к кому и подходить не стоит.

— Хорошо, я постараюсь узнать, кто может мне помочь, — кивнул Опалин. — Что-нибудь еще?

— Пока все. Будет заявление, тогда и займешься розыском, — сказал Николай Леонтьевич. — И в театр наведаешься... Свободен.

Выйдя из кабинета начальника, Опалин поймал себя на том, что запутался в сложной смеси ощущений. С одной стороны, он чувствовал облегчение, потому что видел, что Твердовский ему поверил; с другой — Ивану претило прямое приказание осторожничать, а с третьей...

С третьей стороной он и сам до конца не разобрался, и виной тому была незнакомая девушка, вышедшая из тьмы возле театра и исчезнувшая во тьме. Опалин никому еще о ней не говорил — хотя спешившая куда-то незнакомка, которую он встретил недалеко от места, где произошло убийство, просто обязана была привлечь его внимание.

«А не может ли она быть связана с...»

Но ему почему-то не хотелось даже думать об этом.

«Вообще, конечно, надо бы позвонить Люсе, попробовать с ней помириться... Или не стоит?»

Он машинально ответил на приветствия двух оперов, которые шли по коридору ему навстречу, и только потом вспомнил, что оба они ему неприятны. Плечистый здоровяк Манухин был известен тем, что не чурался физических методов воздействия на подозреваемых, а тощий подхалим Лепиков состоял при нем кем-то вроде адъютанта.

— Что-то на Ване Опалине сегодня лица нет, — заметил Лепиков, как только убедился, что Иван отошел достаточно далеко и не может их слышать. — Ты в курсе, как он у театра труп нашел, а потом тот ку-

да-то делся? С пьяным перепутал, наверное. — Он хихикнул.

Однако Манухин, к удивлению Лепикова, не пожелал развивать эту тему.

— Раз Опалин говорит, что видел труп, значит, там был труп, — сухо оборвал прихвостня старший опер. — Главное, чтобы на нас это дело не свалили... Пошли лучше пожем. Говорят, биточки сегодня в столовке — пальчики облизешь! — И он мечтательно зажмурился.

Глава 3

Ценители искусства

Артель театральных барышников сим имеет честь уведомить, что, для удобства публики, она избрала своим местопребыванием портерную, близ театра.

А. Чехов,

«Контора объявлений Антоши Ч.»

Немного поостыв, Иван Опалин все же признал разумным совет начальства разведать через знакомых обстановку в театре, прежде чем туда заявляться. И усилий-то особых вроде не требовалось, потому что Казачинский уже признался в том, что крутил роман с девушкой из оперного хора. Однако едва Опалин сообщил Юре, что хочет поговорить с его знакомой, тот неожиданно заартачился.

— Слушай, ну это же неофициально, ты просто сведишь нас, и я с ней побеседую...

Но Казачинский категорически отказался это делать, и по выражению его лица Иван понял, что настаивать бесполезно.

— Я что, о многом прошу? — не удержался Опалин, когда Юра ушел.

Петрович, разбиравший бумаги на своем столе, поднял голову.

— Ты, Ваня, прости, но ты часто прешь напролом, а в общении с людьми надо нюансы учитывать. Без этого никак, — назидательно промолвил Логинов. — Как только он сказал «Мила», я сразу же вспомнил, когда он прежде это имя упоминал. Плохо они расстались, ясно? Она его променяла на другого, так что он теперь ее даже видеть не хочет.

— Ладно, — смирился Опалин. — Но мне-то что теперь делать? Слушай, а может, среди твоих знакомых кто найдется?

За годы работы в угрозыске Петрович накопил изрядное количество связей в самых разных слоях общества и умело их использовал, когда того требовали интересы дела. Он шевельнул бровями и коротко ответил:

— Может, и найдется. Почему нет?

...Первый блин, впрочем, оказался комом, потому что на назначенную в пивной встречу Петрович привел спекулянта или, как тогда говорили, театрального барышника. По правде говоря, Опалин ожидал увидеть раскормленного рвача с минимумом интеллекта на том, что у других называется лицом, но реальность оказалась куда интереснее. Перед сыщиком предстал пожилой господин — слово «товарищ» к нему категорически не шло — благообразной профессорской наружности, в пенсне и с бородкой клинышком. Он был тих, как ландыш, и учтив, как воспитанница института

благородных девиц. Иван уже собирался сердито спросить у Петровича, кого он вообще притащил с собой, когда барышник, который обметал платком стул, прежде чем присесть на него, на мгновение повернулся в сторону Опалина, и из-под пенсне сверкнул такой острый взгляд, что вопрос замер у сыщика на губах.

— Давайте знакомиться, — бодро сказал Петрович, который сел между Опалиным и своим осведомителем. — Иван Григорьич, — кивок в сторону начальника, — Петр Сергеич, — кивок в сторону барышника. — Ну что, возьмем пивка? — Он энергично потер руки.

Опалин и его подчиненный взяли жигулевского, а Петр Сергеич оказался с подковыркой и пожелал портер, который стал пить мелкими глоточками, смакуя, как вино.

— Так что насчет Большого театра? — спросил Петрович, когда стаканы опустели больше чем наполовину и от удовольствия можно было переходить к конкретике.

Петр Сергеич поглядел на Опалина, на Логинова, степенно поправил пенсне и сделал еще несколько глотков.

— Театр... гм... что ж... Приятное место. Не без подводных, так сказать, камней... гм...

— Ты же говорил, что всех там знаешь, — вернул уклончивого барышника на землю Петрович.

— Всех? — поднял брови Петр Сергеич. — Нет... всех знать невозможно, видите ли. Я в основном дружу с... — он опасливо покосился на Опалина, — с кассирами, с кое-кем из капельдинеров...

— А артисты, артисты-то что? — напирал Петрович. — Ты про артистов лучше расскажи.

— Про артистов? Извольте. — Петр Сергеич вздохнул. — Из артистов лучше всего идут Лемешев и Коз-

ловский. Они меня и кормят, и поят, и некоторым образом одевают. — Он конфузливо хихикнул. — Молодые девицы без ума от Лемешева. Он, понимаете ли... Одним словом, внешность. Человеку нужна красота, без нее никуда. Ну вот, внешность у него есть. И поет, конечно... У Козловского своя публика, она уже не насчит внешности... гм...

— Ты про балет, про балет говори, — подсказал Петрович, видя, что Опалин стал как-то опасно ерзать на стуле.

— Балет? А, ну да... — Петр Сергееч сделал еще пару глоточков и вперил одухотворенный взор в пространство перед собой. — Балет тоже хорошо идет, особенно Ирина Седова. Мужчины от нее без ума. Женщины в основном ходят на Вольского, особенно когда он всяких принцев танцует, тогда у меня билеты чуть ли не с руками отрывают... гм... Остальные как-то не очень популярны. Ну сами посудите, оперу же часто по радио передают, голоса слышно... А балет — что балет? Его только в самом театре можно увидеть. В прошлом году приезжала из Ленинграда Уланова¹. Знатоки очень хвалили, я надеялся, что билеты хорошо пойдут... Ну, купили, конечно, врать не буду, но с Лемешевым не сравнить. — Он вздохнул, глядя на остатки пены в стакане. — А вообще лучше всего шли билеты на «Дни Турбинных», когда их снова разрешили². Я тогда столько навару сде... Хотя вряд ли это вам будет интересно...

¹ Великая балерина Галина Уланова приезжала в Москву на гастроль в 1935 г.

² Пьеса М. Булгакова «Дни Турбинных» была запрещена в 1929-м, ее возобновление на сцене состоялось после сенсационного разрешения Сталина в 1932-м.

— «Дни Турбиных» — это опера или балет? — спросил Опалин мрачно.

— Это спектакль. Художественного театра, — ответил Петр Сергеевич и словно даже немного обиделся, что ему задали такой нелепый вопрос.

Когда после беседы с барышником Опалин в сопровождении Петровича вышел на улицу, Иван неожиданно остановился и захохотал так, что на него стали обращаться прохожие.

— Иван Григорьевич... — Логинов даже немного покраснел от обиды, но Опалин хохотал настолько заразительно, что Петрович не выдержал и сам засмеялся, махнув рукой.

— И это все, что дает искусство? На ком сколько можно сделать навару? — Иван вздохнул и покачал головой: — Чего-то я не понимаю в жизни, наверно...

Надо сказать, Петрович приложил все усилия, чтобы исправиться, и второй знаток театра, которого он привел к Опалину, оказался бывшим тромбонистом Большого. Это был сухонький, скрюченный гражданин лет 60, с седыми космами, которые артистически обрамляли круглую плешь на макушке. Глаза у него были выцветшие и старческие, но странным образом в них сверкало что-то ястребиное, и Опалин невольно подумал, что перед ним человек с характером. В пивную музыкант идти категорически отказался, и встреча с ним состоялась на живописной Котельнической набережной — где ничто еще не намекало на знаменитую высотку, которая будет тут построена через несколько лет.

— Яков Матвеевич — Иван Григорьевич, — представил мужчин друг другу Логинов.

Яков Матвеевич оказался на редкость непоседливым: сначала он на разные лады требовал доказать ему,

что все, что он скажет, останется между ним и сыщиками, причем явно не воспринимал приводимые ему доводы и по много раз с вариациями повторял одно и то же.

— Говорят, сейчас эпоха дела, а я скажу — нет, сейчас эпоха слова. Одно лишнее слово — о-о, знаете, как оно может осложнить жизнь? А то и отнять ее, — добавил он, заговорщицки усмехаясь и тряся космами.

Но когда Опалин уже про себя решил, что из этой второй беседы выйдет еще меньше толку, чем из первой, Яков Матвеевич совершенно неожиданно сменил курс.

— Но я не боюсь, нет, не боюсь. Страх — он, знаете ли, принижает. Он оскорбляет мое человеческое достоинство. — Музыкант всмотрелся своими пытливыми бесцветными глазами в открытое лицо Опалина. — Что вы хотите знать о Большом, молодой человек?

— Все, особенно о балетной труппе. — Иван почувствовал, что попал на благоприятную волну. — Что там за люди, какие между ними отношения. Я слышал, вы много лет проработали в театре...

— О да, — усмехнулся старик, — и все ради того, чтобы меня в итоге вышвырнули оттуда, как собаку. Чем я провинился? Ничем. Стал хуже играть? Ничуть. Так за что меня выставили? А потому что у дирижера появился зять — тромбонист! — Яков Матвеевич нехорошо дернул челюстью, его глаза горели огнем. — Театр, говорите? От театра в нем одна вывеска, а под этой вывеской такое творится...

И он испустил до того странный смешок, что даже выдавшему виды Петровичу стало малость не по себе. «Свихнулся он, что ли, после своего увольнения? — с тревогой подумал Логинов. — Вот будет номер... Ваня мне голову оторвет».

— И что же там творится? — спросил Опалин, который неизменно сохранял доброжелательный вид.

— О-о, если б можно было просто все это взять и описать! — протянул старик. — Я много лет проработал в театре, как до меня мой отец. Видите ли, раньше, при царях, Большой был... Ну, словом, на первом месте стоял Мариинский театр в Петербурге. Большой, конечно, не забывали, но... Он, так сказать, не слишком котировался. Конечно, у нас тоже бывали интриги и разные недоразумения... назовем их так... но, в сущности, ничего серьезного. А когда Большой сделали первым театром страны... — Яков Матвеевич горько покачал головой. — Сколько честолюбий разом схлестнулось на его милой сцене и особенно за кулисами... У меня сердце разрывается при мысли о том, чем театр был раньше и чем он стал теперь.

— Что ж, у вас там убивают друг друга, что ли? — спросил Опалин небрежно.

— Упаси бог! — с чувством воскликнул Яков Матвеевич. — Зачем же убивать, когда есть другие, совершенно безопасные способы избавиться от соперника! На моих глазах люди теряли свои места из-за того, что у них имелись неблагонадежные родственники, например. Или даже обошлось без родственников, просто по пьяни кто-то что-то сболтнул на общей кухне... Впрочем, чаще всего, как и прежде, в ход идут более простые и проверенные методы.

— Какие именно?

— А вы не догадались? Ведь это же совершенно очевидно. А объяснять... Ну вот, например, вы слышали о Елизавете Лерман?

— Это балерина, которой несколько лет назад вручили орден? — вспомнил Опалин прочитанное когда-то в газетной статье.

— Дивная женщина, — кивнул Яков Матвеевич и совершенно нелогично добавил: — Все в театре ее

ненавидят. Ей уже сорок девять, хотя она всем говорит, что ей сорок два, и даже в паспорт ухитрилась протащить неправильную дату. Елизавета Сергеевна танцевала еще перед царем... Злые языки уверяли, что мечтала попасть в кшесинские, но не вышло. Стало быть, десятые годы, она прима-балерина, двадцатые — все еще прима и танцует первые партии, а тут и тридцатые подоспели. С одной стороны, возраст, с другой — Лерман же знает, что такое Большой театр. Даже в молодости одним мастерством и любовью публики тут не удержишься. Другое дело, если за тобой стоит... ну, к примеру, товарищ Калиновский. Конечно, он больше по военной части, но балет... к балету тоже равнодушен, очень даже равнодушен. До царя в свое время Елизавета Сергеевна не добралась, но все остальные у нее были... словом, для карьеры самое оно: ни одного меньше генерала или директора театра. У нас уж судачили, что она и в семьдесят будет танцевать первые партии, и особенно ей подойдет роль в «Дочери фараона»¹, где героиня восстает из мертвых. Но как Елизавета Сергеевна ни следила за своим товарищем, а не уследила — ушел он от нее к Ирочке Седовой. Теперь наш товарищ уже маршал, а Ирочка — главная балетная звезда. Заслуженно? Пожалуй, но только, если бы не Калиновский, не подвинуть бы ей Лерман никогда. До Ирочки Елизавета Сергеевна с успехом всех соперниц сжирала, а тут ей попался такой кусок, которым она поперхнулась.

— Хотите сказать, что в наших газетах врут, когда пишут, что мы сумели изжить постыдные моменты буржуазного театра? — не удержался Опалин.

¹ «Дочь фараона» — балет Цезаря Пуни.

— А в наших газетах вообще много врут, — безмятежно ответил Яков Матвеевич. — Нет, если хотите, можете верить, что Ирочка стала первой балериной исключительно благодаря таланту и трудолюбию. Талант у нее есть — гения нет, не Павлова¹ она и не Спесивцева², увы. Гением... — старик на мгновение задумался, — пожалуй, гением я могу назвать только Алешу Вольского, и то — выступает он неровно. То летает, как бабочка или Нижинский³, то еле-еле ноги по сцене передвигает. Вот он, кстати, орденов не имеет, и в газетах о нем нечасто пишут, потому что за ним никто не стоит. Зато Лерман — орденосная и Седова — заслуженная... Кстати, вы знаете, что звание заслуженного артиста было еще при царе? Ничего-то в театре не меняется, ничего!

Петрович поежился и поглубже засунул руки в карманы своего тулупа, в котором ходил бóльшую часть года, потому что был отчаянным мерзляком. Дул ветер, на серой воде Москвы-реки покачивались утки, одна из них сердито закрякала и поплыла прочь, другие, поколебавшись, последовали за ней.

— Скажите, вы хорошо знали артистов кордебалета? — спросил Опалин.

— Не особенно, — ответил старик равнодушно. — Все кордебалетные себе на уме и все одинаковы: мечтают любой ценой пролезть в этуали⁴. Только вот мало кому это удастся.

¹ Анна Павлова (1881—1931) — великая русская балерина.

² Ольга Спесивцева (1895—1991) — выдающаяся русская балерина.

³ Вацлав Нижинский (1889—1950) — великий танцовщик и хореограф.

⁴ То есть звезды.

Опалин постарался как можно точнее описать молодого человека, труп которого он видел возле Большого театра. Брюнет, среднего роста, глаза карие, брови прямые, костюм... Но Яков Матвеевич только повторил, что понятия не имеет, о ком идет речь.

— Попадете в театр, — сказал он, — советую вам тщательно взвешивать каждое свое слово. Вы, кажется, неглупы, хоть и строите из себя простачка, — продолжал старый музыкант, усмехаясь. — Так вот, учтите: в театре вас раскусят в два счета. Не верьте ничему, что вам будут говорить, и особенно не верьте, когда они начнут разглагольствовать про искусство. Настоящее искусство они не способны распознать, даже когда с ним столкнутся. Петр Ильич Чайковский свое гениальное «Лебединое озеро» написал для балерины Гейтен, которая заявила, что под такую музыку танцевать невозможно. Это, в сущности, все, что вам надо знать о людях, которые якобы не могут жить без искусства...

Холодный ветер дул с реки, гладь со стальным отливом морщилась. Опалин не признавался себе, но был почти рад закончить этот утомительный разговор с человеком, отлученным от театра, который он счел своим долгом возненавидеть — как ненавидят бывшую жену, которая давно и счастливо живет с другим и думать о тебе забыла.

В известном всей Москве здании МУРа на Петровке Опалин возле своего кабинета столкнулся с Казачинским и по торжествующему выражению его лица понял, что дело сдвинулось с мертвой точки.

— Есть заявление, — сказал Юра. — Виноградов Павел Борисович, тысяча девятьсот пятнадцатого года рождения, артист кордебалета. Вместе с матерью и се-

строй проживал в коммунальной квартире на Арбате... Утром три дня тому назад ушел в театр и домой не вернулся. Думали, что он мог переночевать у своего приятеля, который живет в Щепкинском проезде¹ — это тот самый дом за театром. На следующий день забеспокоились, стали искать — приятель сказал, что последний раз видел Павла в театре после репетиции и понятия не имеет, куда тот делся... Вот такие дела.

— Зови Антона, — распорядился Опалин. — Вы с ним поедете в Щепкинский, опросите приятеля и его соседей. Вообще — кто где был, может, что видел в ту ночь... Я на Арбат, поговорю с семьей. Петрович, ты на телефоне, обзваниваешь морги. Прошло немало времени, где-то уже труп мог объявиться... Если что важное, созваниваемся с Петровичем, всю информацию передаем ему. Я тоже буду звонить, само собой. Вперед!

Глава 4

Осколки

— Вы понимаете что-нибудь в театре?

— Что тут понимать? Тут и понимать-то нечего.

А. Аверченко, «Призвание»

Бывают коммунальные квартиры, похожие на пещеры, в которых можно встретить кого угодно, вплоть до доисторических чудовищ. Бывают похожие на спичеч-

¹ Щепкинский проезд — старое название переулка за Большим театром, выходящего на Петровку.

ные коробки, в которые кое-как втиснуто множество безликих людей-спичек. Бывают коммуналки, пропахшие кислыми щами и невзгодой, которая словно витает в воздухе; там постоянно плачут и болеют дети, а взрослые всегда ухитряются поругаться на ровном месте. Поднося палец к пуговке электрического звонка, Опалин не пытался угадать, какая именно коммуналка ему попадется сейчас. Значение имело только одно: чем больше людей толкнутся в общем пространстве, тем больше они могут рассказать друг о друге, а значит, и о Павле Виноградове, который в данный момент особенно его интересовал.

Под звонком красовался список жильцов, исполненный очень красивым почерком с множеством завитушек. Опалин бросил на список быстрый взгляд, изгнал из головы размышления о том, кто мог писать так заковыристо, и решительно позвонил:

«Виноградовы — 4 коротких звонка».

За дверью залаяла собака, судя по голосу, маленькая, но напористая. Кто-то прикрикнул на нее, потом по полу зашлепали задники домашних туфель, потом вяло перебросились репликами два или три невидимых человека, потом послышались легкие стремительные шаги, загредел отпираемый замок, и дверь распахнулась. На пороге стояла старшекласница в коричневом школьном платье и черном фартучке. Темные косы ее спускались до пояса. Алые и белые пятна странным образом чередовались в ее свежем миловидном личике. Темные, чуть навывкате глаза вопросительно уставились на гостя.

— Оперуполномоченный Опалин, по поводу заявления о пропаже человека. Вы родственница Павла Виноградова?

— Да, я Ляля... то есть Елена. Я его сестра. Проходите, пожалуйста...

— Мама ваша дома?

— Мама... да.

— Мне придется задать вам обоим несколько вопросов. — Он произносил скучные казенные фразы, не пытаясь сдобрить их улыбкой, но и не уходя в чрезмерную сухость. Кое-кто — к примеру, мальчик, оказавшийся в коридоре, или высунувшаяся из комнаты немолодая полная женщина с шалью на плечах — вполне мог бы счесть Опалина бессердечным типом, но он отлично знал, что на взбудораженных, взвинченных людей официальный тон может подействовать успокаивающе. Видя, что краснота стала мало-помалу уходить с лица Ляли, он понял, что достиг цели.

— Конечно, мы вас ждали... И мы все расскажем... Просто мы уже не знаем, что думать... Павлик никогда так не поступал... — Ляля выпаливала фразы скороговоркой, в промежутках бросая на Опалина быстрые взгляды, в которых надежда и тревога странным образом мешались с любопытством. — Вы будете снимать пальто? Вешалка в коридоре... Бетти, фу! Бетти, уйди... Ваня, забери ее!

Собачка, выбежавшая из комнаты за мальчиком, пару раз для остротки гавкнула на Опалина, после чего маленький вихрастый тезка Ивана взял ее на руки и унес. Снимать верхнюю одежду Опалин не стал — общие вешалки в коридоре не внушали ему доверия еще с тех пор, когда он работал в отделе по расследованию краж. Пожилая гражданка с шалью на плечах скрылась у себя, на прощанье бросив так, чтобы ее все слышали:

— И зачем только милицию тревожат? Ясно же, что все из-за женщины... Любовь! Что с ним могло случиться?..

Она включила радио, по которому передавали какую-то научно-популярную лекцию. Следуя за Лялей до комнаты Виноградовых, Опалин машинально отметил про себя, что соседка через минуту выключила радио, а вместо него завела патефон.

— Мама! Вот... из милиции пришли...

Уют. Бесподобный, неподражаемый уют! Для Опалина, который с отцом-швейцаром долгое время жил под лестницей, а потом мыкался по знакомым, ночевал, бывало, на вокзалах и даже на улице, уют имел значение первостепенное. И можно, можно, конечно, унизиться до перечисления: на окнах — кисея и лимонно-желтые занавески, всюду салфеточки, дивная старая мебель надраена до блеска, на угловом столике — клеточка, и в клеточке порхает солнечная птица — канарейка; но вовсе не сумма предметов создает то неуловимое, что зовется уютом. Впрочем, Опалин сразу же забыл о нем, как только поймал взгляд женщины, полулежащей на диване, и уловил запах валерьянки. Раскололся уют, дал трещину. Был сын — и исчез.

— Простите, — пробормотала женщина, поднимаясь и кое-как садясь, — я сейчас не очень хорошо себя почувствовала... Присаживайтесь, пожалуйста, где вам удобно...

Прическа у нее сбилась на сторону, несколько шпилек выпало, и хозяйка стала наскоро поправлять волосы. Такая же темноволосая, как ее сын, с такими же бровями и довольно широким лицом. Опалин сел на стул и подумал, что ей должно быть хорошо за сорок, но она была стройна и моложава, и на вид ей нельзя было дать больше тридцати пяти.

Где-то хлопнула дверь, потом кто-то прошел по коридору, ступая по-мужски тяжело. Сладострастно курлыкал патефон на другом конце коммуналки. Ляля стала возле матери, не сводя с Опалина огромных темных глаз. Один раз мать уронила на пол шпильку, и дочь тотчас же подобрала ее.

— Вы Екатерина Арсеньевна Виноградова, и именно вы заявили о том, что ваш сын Павел шестнадцатого октября не вернулся домой, — начал Опалин. — Правильно?

— Я не знала, что думать, — удрученно пробормотала женщина. — В театре его не было, у Володи тоже... Ляля сказала: «Мама, надо идти в милицию». Я не хотела...

— Почему? — быстро спросил Иван.

Собеседница поглядела на него с изумлением.

— Я никогда не имела дела с милицией... Я совершенно не знаю, как... и вообще... Я хотела посоветоваться с... с Борисом, но к телефону подошла домработница, она у них ужасно глупая...

Легкая пауза перед именем «Борис» и сама форма имени — не Боря, а именно Борис — говорили о многом. Опалин сразу же вспомнил, что отчество у Павла было Борисович. Значит, мать, прежде чем идти в милицию, решила посоветоваться с отцом, который живет отдельно. Вряд ли Виноградовы расстались хорошо, мелькнуло в голове у Ивана. Он уже заметил, что, хотя в комнате присутствовали многочисленные фотографии самой хозяйки, ее сына и дочери, нигде не было видно и следа человека, который являлся отцом детей.

— А кто такой Володя? — спросил Опалин.

— Володя Туманов, друг Павлика, — пояснила Ляля. — Они вместе учились в хореографическом, и их обоих приняли в Большой театр.

— В кордебалет?

— Это только начало, — отозвалась мать. — У Павлика большой талант. Он там надолго не задержится.

Опалин нахмурился. Он знал, что Виноградов действительно не задержится в кордебалете, но не из-за таланта, а потому, что был мертв; но упоминать об этом до обнаружения тела было как минимум преждевременно. Больше всего Ивана смущало то, что он никак не мог подыскать определения людям, с которыми столкнулся. Екатерина Арсеньевна хорошо одевалась, говорила как человек образованный и поддерживала уют, живя в коммунальной квартире. Но в третьем часу дня она находилась дома, а не на работе. И еще, хотя она была в высшей степени удручена, но все же говорила с Опалиным так, словно делала ему одолжение.

— Скажите, Екатерина Арсеньевна, вы хорошо осведомлены о жизни вашего сына?

— Разумеется, — с некоторым даже высокомерием ответила Виноградова. — Он ничего от меня не скрывал.

Опалин понял, что ему не повезло. Когда родители так говорят, это значит, что дети скрывают от них все, что только возможно.

— Он с кем-нибудь ссорился в театре? Или вообще?

По глазам Ляли он понял, что ей что-то известно. Но ответила мать, к которой и был обращен вопрос:

— Что вы, какие ссоры! Мой Павлик совершенно не такой...

Для проформы Опалин задал еще несколько вопросов: не мог ли Павлик куда-то уехать, не предупредив

родных, не жаловался ли он в последнее время на какие-то сложности, не было ли в его поведении странно-стей. Но Виноградова твердо держалась раз избранной линии: Павлик — чудесный мальчик и в его жизни все было прекрасно, безоблачно и идеально.

— Вы хотите что-то добавить? — отчаявшись, спросил Опалин у Ляли. Она порозовела.

— Нет, — выдавила из себя девушка.

Конечно, в присутствии матери она ничего не скажет. Иван знал, что сердиться непрофессионально, и все же его стала разбирать злость.

— Теперь я попрошу вас в подробностях вспомнить все, что было в последний день, когда вы видели... — он чуть было не сказал «Павлика», но вовремя спохватился, — Павла Виноградова.

— А что вы хотите знать? — плаксиво спросила Екатерина Арсеньевна. — Это был самый обычный день... — Опалин сделал нетерпеливое движение, показывая, что ждет подробностей. — Встал он в восемь, как всегда, в десять у него класс...

— Он что же, до сих пор в школу ходит? — изумился Опалин. По всему выходило, что Павлу был двадцать один год — слишком почтенный возраст, чтобы сидеть за партой.

— Класс — это экзерсис, — пояснила Ляля, и по ее тону Иван понял, что она озадачена его вопросом.

— Простите, вы к балету совсем не имеете отношения? — недоверчиво спросила Елизавета Арсеньевна.

Было бы странно, если бы оперуполномоченный Опалин, который ловил бандитов и убийц, имел отношение к балету, но вопрос был задан как нечто само собой разумеющееся. Иван ограничился тем, что просто покачал головой.

— Класс — это ежедневные упражнения у станка, — объяснила Виноградова, чем запутала дело еще больше.

— Станок — это такая палка у стены, на нее опираются, когда делают балетные упражнения, — пришла на помощь матери Ляля, видя выражение лица Опалина.

«Как у них все сложно, однако», — подумал Иван.

— Скажите, сколько длится класс? — спросил он вслух.

— Час, но может быть и больше. Это уж как педагог решит, — отозвалась мать.

— То есть после одиннадцати Павел должен был вернуться домой?

— Нет, почему? У него же репетиция еще была.

— Что за репетиция?

— «Лебединое озеро», он там занят в третьем акте.

— Когда именно началась репетиция и сколько она продолжалась?

— Я не знаю, — с некоторым неудовольствием ответила мать. — Понимаете, репетиция — это сложный процесс, тем более что Палладий Андреевич — человек требовательный.

— Кто такой Палладий Андреевич? — терпеливо спросил Опалин.

— Вы что, никогда о нем не слышали? — искренне поразилась Екатерина Арсеньевна. — Палладий Андреевич — это же Касьянов, балетмейстер!

— Он ставит все танцы, — тонким, неприятным голосом проговорила Ляля, которую, очевидно, утомила необходимость все разжевывать несообразительному гостю.

— В смысле — ставит? — машинально спросил Опалин. — Я думал, этот балет существует так давно, что все танцы уже известны.

В комнате наступило тяжелое молчание. Две пары глаз смотрели на Ивана так, словно увидели не современного человека, а какого-то неандертальца.

— Видите ли, — наконец промямлила Екатерина Арсеньевна, — в балете все немного сложнее...

— Балетмейстер имеет право изменять танцы, сочинять новые и переставлять музыкальные номера, если сочтет нужным, — сердито проговорила Ляля, тряхнув косами. — Вообще «Лебединое озеро» считалось как бы женским балетом, но Палладий Андреевич хочет уравновесить главные партии, женскую и мужскую. Это я вам упрощенно объясняю, там все гораздо сложнее, конечно, в том числе и из-за Вольского, который вторые роли не танцует, а если и станцует, то так, что публика, кроме него, никого видеть не будет. Поэтому Палладий Андреевич и должен сделать так, чтобы все были довольны. И вообще балетмейстер — главный человек в спектакле.

— А как же исполнители? — не удержался Опалин.

— Ну что — исполнители? — пожала плечами хозяйка дома. — Конечно, от них многое зависит. Но, например, Седова ни одной вариации себе придумать не способна, все делает балетмейстер.

У Ивана уже голова шла кругом.

— Вариация — это танец, — сжалась над ним Ляля.

— Ваш сын танцевал с Седовой? — наугад спросил у хозяйки Опалин.

Екатерина Арсеньевна поджала губы, и Иван понял, что допустил очередной промах.

— Так говорить не совсем корректно, — с явным неудовольствием промолвила Виноградова. — Они должны были выступить в одном спектакле.

— В «Лебедином озере», которое ставит Касьянов?

— Вы угадали, — с облегчением ответила хозяйка дома.

Итак, примерный юноша Павлик Виноградов отправился в театр, где у него состоялся класс, а потом репетиция «Лебединого озера», был где-то убит и через несколько часов в виде бездыханного тела попался на глаза оперуполномоченному Опалину и его спутнице. После чего труп загадочным образом исчез.

Глава 5

Недомолвки и тайны

Вселенная — театр. Россия —
это сцена.

Игорь Северянин, «Сонет»

— Вы не знаете, ваш сын выходил из театра днем? — быстро спросил Иван. — Мог... ну я не знаю... пойти к какому-то знакомому или просто перекусить?

— В театре есть буфет, — с великолепным презрением ответила Екатерина Арсеньевна. — А к Володе Павлик в тот день не заходил.

— А кроме Володи у вашего сына не было друзей? Или девушки?

По выражению лица Виноградовой он сообразил, что допустил чудовищную бестактность.

— Какие странные вопросы вы задаете, — пробормотала Екатерина Арсеньевна. — Разумеется, у него не было девушки, потому что... потому что иначе я бы знала.

Ляля как-то странно покосилась на мать, но ничего не сказала. «Сестре что-то известно, — подумал Опалин. — Неплохая семья, и люди вроде хорошие, но... почему меня тянет уйти и никогда больше сюда не возвращаться?»

Он поглядел на дверь, которая вела в смежную комнату, и спросил:

— Там комната вашего сына? Мне нужно взглянуть.

— Это обязательно? — нервно спросила Екатерина Арсеньевна.

— Разумеется, поскольку я его ищу, — буркнул Опалин, поднимаясь с места. Но он не учел, с кем имеет дело.

— Могу вас заверить, что в комнате его нет, — едко отозвалась хозяйка.

Притворившись, что не заметил шпильки в свой адрес, Иван открыл дверь. Нигде ни соринки, все вычищено до блеска. Книжный шкаф, гардероб, довольно большая кровать, бюро, два стула с гнутыми ножками; на стенах — акварели в рамках. Почему-то уют здесь произвел на Ивана гнетущее впечатление — вероятно, потому, что он уже знал, что это комната покойника.

— Я бы не хотела... — начала Екатерина Арсеньевна, видя, как он один за другим выдвигает ящики бюро. — И что, собственно, вы хотите найти? — уже сердито спросила она.

— Ваш сын вел дневник?

— Нет.

— Кроме балета в его жизни были еще какие-то увлечения?

— Какой вы странный, — с упреком промолвила Екатерина Арсеньевна. — При чем тут увлечение, когда речь идет о призвании...

— Ну чем-то же еще он занимался?

— Любил читать книги, собирал марки. Этого достаточно?

— А в комсомоле он состоял?

— Разумеется.

Разговаривая с Виноградовой, Опалин быстро просматривал содержимое ящичков. Альбомы с марками, скрепки, старые конверты, какие-то тесемки, матерчатые туфли, причем явно сношенные, банка вазелина для волос и среди всего этого хлама — запрятанная на дно ящичка фотографическая открытка. Балерина стоит на пуантах в томной позе, подпись — Ирина Седова. Перевернув открытку, Опалин увидел строчки, идущие наискось, с хорошо продуманной небрежностью: «Весь мир — театр. И. Седова, 22 февраля 1935».

— Я уже вам сказала, что он не вел дневника, — проговорила Екатерина Арсеньевна высоким злым голосом. Судя по всему, она болезненно переживала вторжение постороннего в то, что считала личным пространством своего сына.

— Прошу прощения, — сухо сказал Опалин, возвращая открытку на место и задвигая ящик, — но это моя работа.

— Рыться в чужих вещах?

— Мама, перестань, — пробормотала Ляля. Она стояла на пороге комнаты за своей матерью, которая напряженно следила за действиями Опалина и, ка-

жется, мечтала только об одном: чтобы он поскорее ушел.

— Во что ваш сын был одет, когда вы видели его в последний раз? — спросил Иван, переборов сильнейшее искушение сообщить Виноградовой, что ее бесценный Павлик мертв и что ей совершенно не на что надеяться.

— Одет? Ну... как обычно...

Когда они вернулись в главную комнату, Екатерина Арсеньевна немного успокоилась, и в несколько приемов Иван вытянул интересующие его подробности. Серый костюм, черные ботинки, темно-синий галстук, вязаная черная шапочка и такой же шарф, а куртка коричневая, на меху, очень хорошая куртка.

— Может быть, все из-за нее произошло? — с тревогой спросила Екатерина Арсеньевна, забыв свою неприязнь к Опалину. — Может быть, его ударили по голове, он потерял память... Лежит где-нибудь в больнице, а мы даже не знаем, где его искать... Боже мой!

Она заплакала — сначала негромко, потом навзрыд, и уже платок не помогал, и дочь бросилась за валерьянкой, к которой, судя по всему, сегодня пришлось прибегать не впервые.

— Мама, не надо... Мамочка, милая, ну что ты! Ну доктор Парчевский же сказал, что тебе нельзя волноваться... Ну мама...

Ляля с потерянными лицом суетилась возле матери и то совала ей валерьянку, то неловко гладила по плечу. Опалин глядел на ширмы, за которыми, судя по всему, стояли кровати, и думал, что Павлика-то Екатерина Арсеньевна любила больше, чем дочь. У него была своя комната, а у Ляли — только угол.

И все, что делала дочь, Виноградова принимала как должное.

— Скажите, вы видели его театральный костюм? — спросил Иван, постаравшись принять простодушный вид. — В котором он должен был выступать в этом... в «Лебедином озере»?

— Конечно, видела, — отозвалась Екатерина Арсеньевна, вытирая слезы. — Мне не нравится, как они в театре глядят костюмы, я всегда говорю ему, что наглажу лучше, а если надо, и постираю. У него был очень хорошенький костюмчик, с большим вкусом сделан. Колет вишневый и черный, с вышивкой и позументами, еще рубашечка и трико. Просто прелесть, а не костюм. — Она говорила, и губы ее дрожали.

Канарейка запрыгала в клетке и засвистела.

— Что такое колет? — устало спросил Опалин.

— Это вроде как камзол, — объяснила Ляля. — Ну, или курточка, что ли...

— Мы так ждали, когда Павлик станцует в этом балете, — простионала Екатерина Арсеньевна. — Ума не приложу, куда, ну куда он мог запропасться...

Опалин пообещал, что они обязательно найдут — приложат все усилия — и уж, конечно, проверят все больницы, после чего пересел поближе к столу и стал заполнять протокол, перенося в него самое важное из услышанного. Для протокола Ивану пришлось запросить данные о хозяйке дома. Оказалось, что Виноградова — художница, работает в Театре рабочей молодежи, более известном как ТРАМ, а ее бывший муж, тоже художник, занимается оформлением новых станций метро. Почему-то Иван не сомневался, что акварели на стенах здесь и в комнате сына принадлежали ей, и вы-

нужден был признаться себе, что они ему не нравятся. В них чувствовалось нечто слащавое и в то же время неприятное, несмотря на все усилия автора расположить к себе.

— Все, что вы видите на стенах, — это моя работа, — горделиво промолвила Екатерина Арсеньевна, перехватив взгляд гостя.

Опалин ограничился тем, что глубокомысленно изрек: «А-а!»

— Но я, знаете, не всегда рисовала. В молодости я хорошо танцевала, — добавила Екатерина Арсеньевна. — Однажды меня похвалила сама Айседора Дункан... Я не раз видела ее вместе с Есениным.

Опалин отлично знал, кто такой Есенин, но предпочел прослыть неучем и воздержаться от расспросов, которые лично ему абсолютно ничем помочь не могли. Когда Екатерина Арсеньевна витиевато расписалась, он понял, что именно она составляла список жильцов, который он видел на входе.

— Ваш сын общался с кем-то из соседей?

На лице Виноградовой отразилось нечто вроде паники, и, тщательно подбирая слова, она стала объяснять, что ее Павлик — натура артистическая, а соседи... они, как бы сказать... хорошие люди, но...

— Я все же поговорю с ними, — объявил Опалин, поднимаясь с места.

И он пошел по комнатам, в которых обнаружили шофер, рабочий ночной смены, бывший присяжный поверенный, три особы неопределенных занятий, одна маникюрша, пожилая пара, одна черепаха, немолодая гражданка с шалью (та самая, что сначала включала радио, а затем патефон) и несколько детей разного возраста.

Опалин разговорил всех, кроме черепахи, и узнал массу подробностей как о житье-бытье Виноградовых, так и о пропавшем Павлике. Большинство сходилось на том, что Екатерина Арсеньевна «много о себе воображает» и «хорошо устроилась», потому что живет на средства, которые ей щедро предоставляет бывший муж. При этом она сумела воспитать детей так, что они верят, будто всем ей обязаны, а отца, который нашел другую семью, считают предателем. Что касается Павлика, то он на всех производил впечатление чистенького, милого юноши, и никто не верил, что с ним могло случиться что-то серьезное.

— Конечно, тут замешана женщина, — с усмешкой сказала Опалину соседка с шалью. — Екатерина Арсеньевна всех хотела держать на коротком поводке, но природу не удержишь...

Опалин уже уходил, когда у дверей его догнала Ляля. Лицо ее выражало внутреннюю борьбу.

— Вы спросили, с кем брат ссорился в театре, — выпалила она скороговоркой. — Не знаю, может быть, мне не стоит говорить...

— Стоит, — заверил ее Иван. — Так что там произошло?

Ляля поглядела на него, ее губы задрожали.

— Что-то ужасное, я не знаю что, — проговорила она, волнуясь. — От *нее* он все скрывал, но от меня — нет. Я видела, что он ужасно взволнован... Он сказал, что его даже могут выгнать, что он совершил большую ошибку и нажил серьезного врага. — Она увидела выражение лица Опалина и прижала руки к груди. — Клянусь вам, это все, что я знаю!

— Когда именно он сказал вам, что совершил ошибку?

— За день до того, как не вернулся домой.